

"Я ПРОВОДИЛ ЕГО ГЛАЗАМИ..."

Продолжение поиска

1.

В Шувелянах – одном из пригородов Баку – торговали новинкой.

На сей раз ею оказался томик в популярной миллионнотиражной библиотеке классики.

"Тарас Шевченко. Стихотворения и поэмы"... Продажа шла бойко – раскупали книжку быстро. Прикаспийский мыс и названный по его имени поселок прописал у себя сотни экземпляров вновь изданного в русских переводах шевченковского избранного.

На страницах дневника Баку упомянут несколько раз, и всякий раз вскользь, мимоходом. Но так, что сомневаться не приходится: город, хоть видеть его самому не довелось, был Шевченко известен. Отсутствие личных впечатлений с лихвой перекрывалось узнаваемым от других. О противоположном – по отношению к Мангышлаку и его Новопетровскому укреплению – берегу Каспийского моря опальный, сурово покаранный поэт-рядовой знал от участников научных экспедиций Антипова, Бэра, Ивашинцева, от военных и невоенных моряков, совершавших рейды по морским портам Каспия, от купцов-торговцев, бывавших всюду, от офицеров батальона, а также из прочих источников, перечесть которые невозможно. Был известен ему и характер моря, его норов, достаточно крутой, коварный. В любую пору года, каждый месяц лета, осени, зимы, весны... Норов не из покладистых!

"Перед закатом солнца заштило. А в сумерки поднялся свежий ветер от норд-оста, прямо в лоб нашей почтовой лодке. Она теперь в открытом море бросила якорь, а когда подымет. Бог знает. Норд-ост здесь господствующий ветер. Он может простоять долго и продлить мою и без того длинную неволю..." (9 июля).

"В полночь переменялся ветер. Отошел к норд-весту. Я любовался прозрачными исчезающими облаками и лег спать..." (11 июля).

"В полдень ветер засвежел и отошел к норду. Добрый знак..." (14 июля).

"Ветер все тот же – норд. Хоть бы на одну четверть румба отошел к осту... О,

ветер, ветер, если бы ты мог сочувствовать моему неусыпному горю..." (15 июля).

"После заката солнца заштилело, и в первом часу ветер поднялся от зюйд-оста. Ветер тихий и ровный, такой самый, какой нужен для нашей почтовой лодки..." (16 июля).

Шевченко ждал официального предписания о своем освобождении от солдатской службы.

Шувеляны – поселение древнее. Каменная графика стародавних стоянок убеждает в том, что обитал здесь человек еще эпохи неолита. Но уровень воды периодически повышался, море отсюда людей изгоняло. Правда, потом приманивало снова – то охотиться, то рыбачить; позже оно милостиво дозволило пасти овец, а там и строиться. Возник укрепленный форт с башнями. Завидев врага, учуяв опасность, на башнях разжигали костры, и сигнал этот – знак тревоги – видели далеко.

Менялись времена – менялось назначение Шувелян. С переменами, собственно, теперешнее название и возникло. "Шахолан" – трактуют сейчас. Уже в прошлом веке, первой его половине, тут отдыхала от летнего зноя знать Баку; тут же разводили овощи и фрукты, дававшие обильные урожаи.

От очень давних лет остались старинная мечеть – еще XII века, две сторожевые башни – башни-воины. От середины столетия минувшего, шевченковского – отдельные дома богатеев. Нашли им применение достойное, общественно полезное и значимое.

В "Шахолане" мне слышится "Шоулан".

Шоулан... Мое внимание это название привлекло еще тогда, когда в величественном дворцовом здании на берегу Невы раскрыл я дело № 264 из фонда 256 Центрального Государственного архива Военно-Морского флота. Выписал его из хранилища исключительно потому, что в заголовке оказались название парохода, заходившего в Тюк-Карганский залив, и фамилия Ивашинцева, которого, как удалось мне установить, Шевченко знал, пусть и не близко. Там же соседствовали географические названия: Шоулан... Баку... Апшеронский пролив...

Звучал заголовок печально: "О крушении парохода "Куба" у мыла Шоулан, следуемого из Астрахани в Баку чрез Апшеронский пролив для гидрографических работ, бывшего в распоряжении начальника экспедиции для съемки и промера Каспийского моря капитана-лейтенанта Ивашинцева. Начато 19 сентября, кончено 4 декабря 1857 года. На 44 листах".

В деле, составленном по принятым тогда образцам канцелярской хитромудрости,

истинной трагедией было пропитано все.

Трагедией неосуществленных планов и – всего горьше – безвременно оборванных жизней.

Меня в Шауляны привела обыкновенная, для всех нас привычная, путевка. Знойное лето гнало к воде; на Каспийском море раньше бывать не приходилось; по слухам, оно сулило много удовольствий. А ко всему еще не так уж сложно и добираться – два с половиной часа без посадки и ты на месте.

Как замышлялось, так получилось. Рейс действительно оказался не утомительным, а море... море превзошло все ожидания. Обласкало оно и взяло в полон с первых же мгновений нашего с ним знакомства.

Но безмятежное блаженство не по мне. Вглядываясь в неведомое и не виданное дотопе море – с нефтяными вышками и нефтеналивными судами на горизонте, с островками-утесами у берегов ("вон тот, гляди, "дядей Ваней" зовут"), с громадой труб и корпусов Северной ГРЭС, кажущейся в первый момент гигантским кораблем, спускаемым на воду, – я вдруг задумался о Каспии и том, что знаю о нем сам. А это – для меня – и о Шевченко. О нем и жертвах Шоулана, знакомых ему людям. Его связных с волей – военных моряках...

Снова вспомнились записи в шевченковском дневнике – особенно те, которые он сделал 17 и 18 июля 1857 года.

Записи подробные и, тем не менее, неопределенные.

Состояние их автора понятно.

Даже в малолюдь дальнего-предального укрепления, где вот уже который год были перед ним почти одни и те же, привычные, примелькавшиеся, наскучившие лица, вопреки расхожей народной поговорке "на безрыбье и рак рыба", не хотелось ему порою ни видеть, ни слышать никого, и "новых" людей в том числе.

Эти новые как пришли, так и уйдут (уедут, уплывут, умчатся...), они вольны в своих действиях, свободны вообще, ему же оставаться – и сколько еще оставаться?! – узником строгой, хоть и не запертой, тюрьмы, из которой, попав сюда однажды, не выбраться, кажется, вовек.

Каждый день начинался надеждой, а заканчивался разочарованием. Самого желанного и долгожданного известия не было. Когда же придет она, весть об освобождении от солдатчины, станет возможным сесть в пароход или лодку и ... туда, куда влекло всего больше?!

Вести не было, и на этот раз глухое свое раздражение Шевченко излил на менее всего в том повинных "флотских". Официальное распоряжение, по всей форме отданное, могло придти только с пароходом, следовательно с ними, моряками. Предписания не оказалось, его не доставили они, а, значит, в них виделись ему если и не прямые, то косвенные виновники продолжавшейся неволи.

...По-человечески настроение Шевченко понять не трудно.

Так вот – две его дневниковые записи.

"Ветер все тот же, как заколдованный. Перед вечером по направлению Астрахани на горизонте показался пароход..."

Семнадцатое июля было для него еще одним днем ожидания. К вечеру вдали прояснились очертания судна, которое шло со стороны Астрахани, и в Новопетровском укреплении засуетились, заспорили. Уж не следует ли с пароходом сам великий князь Константин – высочайший шеф флота? Или хотя бы астраханский военный губернатор Васильев – особа в адмиральском звании? Был бы повод гадать, а в предположениях недостатка не бывает. Так и теперь: судили-рядили долго, пока с пристани не прискакал казак-посыльный. От него и узнали, что ни кровного царского брата, ни даже превосходительного астраханца на пришвартованном пароходе нет; самый же главный среди тамошних чинов – командир парохода, Поскочин. Правда, сын генерал-майора и начальника Астраханского порта, то есть человека влиятельного, а для их укрепления во всех отношениях важного. Сам капитан, конечно, пока только лейтенант – не более того. Тем не менее комендант укрепления Усков чиниться не стал: отправил за ним свой единственный парадный выезд-тарантас. Вернулся он с Поскочиным и ближайшими его сотоварищами.

А еще с почтовой сумкой, в которой для Шевченко и о Шевченко не оказалось ничего.

Снова – ничего...

Опять – без просвета!

2.

Вконец разочарованный, раздосадованный, узник давно осточертевшего форта мог отвести с моряками душу свою в беседе обо всем и... ни о чем. Услышать новости астраханские, российские, мировые, просто сплетни "с воли". Он – человек, и ничто

человеческое ему не чуждо.

Но к коменданту Шевченко не пошел. Ни командира парохода, ни других флотских видеть ему не хотелось. Опять пойдут праздные разговоры, опять будет беречь душу их свобода, а твоя неволя...

Предпочел уйти в казарму, однако отвращала и она. Наведался к приятелю, Мостовскому, – артиллерийскому капитану, старому служаке, поляку и участнику польского восстания начала тридцатых годов, потом, после разгрома повстанцев, офицеру на русской службе, все годы в степях: в Орской крепости... во вновь заложенных укреплениях... Поговорили, вспомнили общее.

"Посмеявшись над совершившимся, мы по поводу подобного же происшествия, случившегося в 1847 году в Орской крепости, перенесли наш разговор в Орскую крепость, как ему, так и мне хорошо памятную. И Мостовский своим неживописным слогом так живо описывал эту неживописную пустынную крепость, что я заслушался его. И первые темные дни моей неволи просветлели и улыбнулись в моем воспоминании. Неужели и для настоящего моего положения придет когда-то светлое, улыбающееся воспоминание?.."

И в Орской привелось ему быть свидетелем того, как обманулись в своих ожиданиях крепостные власти: готовили почетный караул для встречи лиц титулованных, прибыл же кто-то из "мелкой сошки" – смеялись тогда над местным начальством, и особенно над солдафоном Мешковым, батальонным командиром, все в ротках и все в округе. Сколько лет с тех пор прошло, да ведь вот, не забылось. И как забудешь, если история повторяется? Рождают такие повторения одно-единственное – идиотизм жизни, гнусность нравов всех этих военных поселений. "Факт перед глазами, а все-таки не верится..." Поверится, если подтверждения в каждом божьем дне!

Долго они с Мостовским сидели, а моряки все еще продолжали любезничать с комендантшей Агафьей Емельяновной и другими дамами "высшего света" новопетровского. В девятом часу вечера понадеялся на то, что разговоры уже иссякли, закончились, так нет же – голоса были слышны издалека. Он снова "сделал поворот направо" – ушел прочь и отправился бродить вокруг укрепления. Бродил, пока не потянуло ко сну. "За что я в душе поблагодарил любезных астраханских мореходов..."

"За что" – это за состояние, приблизившее окончание еще одного томительного дня ожидания свободы. Конечно, "завтра" ждать предписания об освобождении не приходится – пароходы прибывают к их пустынному берегу не каждый день и даже не каждую неделю. Но все-таки день долой – к свободе ближе.

"В продолжение ночи я несколько раз просыпался и наблюдал ветер..." Мысли вертелись вокруг одного. Разочаровался, и не впервые, сегодня. Однако быть и дню следующему. Верил уже в него – без этого как жить?

А почему "любезных"? "Любезных астраханских мореходов"?

В шевченковские времена "любезных" означало не только степень расположения и не только сердечную привязанность. Нечто другое тоже. Заглянем в словарь Даля, Там на этот счет сказано и так: "любезник -... угодник, миловзор, волокита".

Дамы из глухого укрепления были не прочь пофлиртовать, как и кавалеры с пароходов – поволочиться за "провинциалками".

Нравы и тех и других Шевченко постиг основательно. Отсюда и записанное им в дневнике: "мне так опротивели эти пустые хвастунишки".

Хвастливое суесловие опротивело давно. А на бумагу признание вылилось сегодня. И сохранилось – для нас с вами – навсегда.

По чистой случайности даты дневниковых записей и моих раздумий о них в Шувелянах оказались одинаковыми. Тем более легко представляется и зной того июля, и духота его (не смягчавшаяся никакими кондиционерами – их век еще даже не проглядывался). Морские купания в режим дня обитателей укрепления не входили. "Нижним чинам" и подавно отлучаться за пределы его даже на считанные сажени запрещалось категорически, под страхом самых жестоких, беспощадных наказаний. Подвергать себя им не хотелось. Наказаний хватало без того.

На следующее утро – уже 18 июля – пароход вышел из гавани и "направился к Кизляру". (Накануне вроде бы ничего о том не знал, а вот, на-тебе, выяснил даже путь следования!) Впрочем, выяснение могло произойти уже позднее, когда с напускным равнодушием слушал он изрядно путанную информацию Усковой и Баженовой о целях военных моряков и их "штатских" спутников.

Чего только в этой информации не было! "Общим словом, а выслушал из милых уст такую чепуху, какой иному не удастся выслушать и в модном салоне..." Гостей оказалось пятеро:

"Кроме флотских, командира парохода и его штурмана, весьма образованного (по словам рассказчиц) молодого человека, еще трое штатских, два ученые, а третий доктор". Наговорили дамы невесть сколько всякой всячины: "И что пароход ходит около наших берегов для каких-то наблюдений, и что штатские ученые должно быть не ученые, а

просто политические шпионы, потому что говорили все о влиянии на здешнюю Туркменскую орду". Один из гостей, оказывается, спрашивал о Шевченко ("но так двухсмысленно, что милые собеседницы даже косвенно не умели удовлетворить его любопытства, и, как я догадываюсь, ловко отстранивши этот, по их понятиям, щекотливый вопрос... перенесли свою болтовню в Астрахань, прямо в персидские лавки...").

Только днем, за обедом, относительную ясность внес сам Усков. Экипаж парохода, как сообщил он, вел съемку и промер Каспийского моря, а "главным двигателем всей этой суматохи" являлся "астроном", которого среди вчерашних гостей не было, так как он предпочел использовать время для дела – то есть для своих "вычислений". На Шевченко выплеснулось множество новостей и слухов, вновь разбередивших его душу, но никак не ответивших на вопрос вопросов: "Кончится ли, наконец, это гнусное существование, это однообразное записывание однообразнейших, бесконечных дней?"

Именно этот вопрос стал для него самым главным итогом июльских суток, отмеченных приходом "военно-научного" парохода и разговорами вокруг да около события, показавшегося чуть ли не "чрезвычайным".

А ведь таким оно и было – явление парохода, выполнявшего благородную миссию пролагателя реальных путей освоения Россией неведомого во многом Каспийского моря...

Читаешь-перечитываешь запись и приходит мысль: а не испытал ли поэт запоздалое сожаление о том, что от встречи с моряками уклонился – не повидался, не поговорил?

Сожаление улавливаешь меж строк – не в словах даже, но в самой интонации дневниковых страниц.

Без них он жить не мог.

Пароход нес на борту имя "Куба".

В честь всесветно известного ныне острова? До прилета в Азербайджан так полагал и я. Собственно даже на сей счет и не задумывался. "Куба" – от Кубы, и думать более не о чем.

Только здесь осознал я опрометчивость своего вывода.

Каспийские суда и имена носили в основном "каспийские":

Ленкорань... Тарки... Астрабад...

"Кубой" (с ударением на втором слоге) пароход нарекли в честь стародавнего здешнего города, основанного еще в пятнадцатом веке, а в восемнадцатом (1744-1789)

прославившегося как столица кубинских ханств. В 1806 году Кубу заняли русские войска и по Гюлистанскому мирному договору (1813) она была оставлена за Россией... Событий в истории города происходило много – все враз и не перечесть. Да и не к чему отвлекать от главной цели повествования.

Но пройти мимо такой детали?

О нет, любая "деталь" важна. И выяснение сути имени помогает почувствовать неотторжимость парохода от Каспия – здесь рожденного, здесь нареченного, здесь работавшего, здесь и погибшего.

А не может ли быть так: сожаление Шевченко мне примерещилось, и произошло это потому, что я-то знаю, какая участь постигла пароход менее двух месяцев спустя, в той же, еще далекой от завершения, экспедиции, и какими "пустые хвастунишки" оказались в час смертный?

"Я проводил его глазами на горизонт..."

Проводил, будто попрощался навсегда.

Сейчас на горизонте танкеры с нефтью. Добывают ее и из толщи земли, и из подводных глубин. Кто не слышал о Нефтяных камнях? Это поистине одно из чудес света. Четвертый десяток идет с того времени, когда небольшой геологоразведочный десант высадился на устрашающие Черные камни и бригада бурового мастера Михаила Каверочкина начала проходить первую скважину, направленную в неизведанные дали сурового моря. С первого фонтана нефти, поднявшегося ввысь 7 ноября 1949 года, ведет свой отсчет история легендарного города на сваях. Настоящего города с жилыми комплексами, домами культуры и школами, парком и оранжереями, своей наукой и своими эталонами героизма. Каждая тонна каспийской нефти это точный расчет и высокое мужество. А поднимаются из морских недр таких тонн миллионы!

...Идут и идут танкеры с нефтью. На горизонте они всегда.

3.

Пароход "Куба" давно скрылся вдали, Шевченко же продолжал смотреть ему вслед. Сначала он вглядывался в бесконечные пространства моря, потом – за неспешным чаепитием – в самого себя, а дальше... дальше размышлял о дне прожитом уже на страницах дневника, или, как называл его сам, "журнала".

"Главным двигателем всей этой суматохи" был и впрямь тот, кто оставался на

пароходе, предпочитая не тратить время попусту. "Звездочет сей прислан гидрографическим департаментом проверить астрономические пункты на берегах Каспийского моря, определенные в прошлом году каким-то не совсем дошлым звездочетом. Вот настоящая цель неожиданного прибытия парохода к нашему берегу". Это из дневника, и ничего о "двигателе" (или "звездочете") больше. Ни фамилии даже, ни имени-звания – только такое завуалированное определение в духе "романов с приключениями".

Но вспомним заголовок архивного дела N 264: "...бывшего в распоряжении начальника экспедиции... капитана-лейтенанта Ивашинцева..."

Ивашинцев – вот кто "главный двигатель". Ивашинцев Николай Алексеевич, капитан-лейтенант Российского Флота и ... причастный в сороковые годы к кружку петрашевцев.

В Оренбургской губернии он был известен давно.

После двадцати лет службы на Балтике бывалого моряка командировали в 1853-м в распоряжение здешнего генерал-губернатора, и привелось ему участвовать в Хивинском походе, в боях за Ак-Мечеть.

С Ивашинцевым дружили А.И. Бутаков и А.И. Макшеев – аральские начальники Шевченко. По просьбе Алексея Ивановича Бутакова именно он, Ивашинцев, огласил его доклад о результатах описи Арала на собрании членов Русского Географического общества. Может, и шевченковские зарисовки тогда показал. А что ж, вполне возможно...

Когда акмечетский поход окончился, взялся Ивашинцев за новое дело, суть которого изложил достаточно четко: "Употребляемые в настоящее время карты Каспийского моря, составленные около 40 лет тому назад штурманом Колодиным, устарели, и при настоящем преобразовании Каспийской флотилии новая точнейшая карта становится совершенно необходимою для общего успеха в развитии Каспийского судоходства – как военного, так и коммерческого".

Необходимою карта – неотложною экспедиция... Не скоропалительная – рассчитанная на несколько лет... Гидрографический департамент обращался по сему поводу к своему – и флота – "высочайшему покровителю" великому князю Константину; Константин ходатайствовал перед "августейшим братом", но решилось все не сразу. Только в 1856-м Николай Алексеевич Ивашинцев с группой помощников прибыл из Санкт-Петербурга в Астрахань и начал – без промедления начал – разворачивать "первоначальные гидрографические работы" на выделенном для этих целей пароходе

"Волга".

(В дневнике на сей счет "пущена шпилька": дескать, "в прошлом году каким-то не совсем дошлым звездочетом" астрономические измерения были проведены так, что потребовалась их "проверка". Но Шевченко записал это как версию, почерпнутую в разговоре с Усковым. На самом деле проверялись данные сорокалетней давности, а измерения и описания 1857-го продолжали те же люди, что и в пятьдесят шестом, разве что умер от холеры лейтенант Остолопов).

Экспедиция, рассчитанная на семь лет, выполняла программу всего-навсего своего второго года. В деле N 216 главного командира Астраханского порта (тот же, упомянутый раньше, фонд 256) подшит форменный бланк с рапортом Ивашинцева, датированным 16 июля 1857 года: "Окончив успешно определение разности долготы между Баку и Бирючьей косою, сего числа отправился на пароходе "Куба" к восточному берегу для определения астрономических пунктов между Тюк-Караганом и Красноводским заливом, о чем вашему превосходительству имею честь донести".

Рапорт по всей форме – генерал-майору Поскочину, главному представителю морского ведомства в Астрахани.

Тут же и следующий: Ивашинцев отправил его уже с Бакинского рейда, 25 июля, В нем указана и остановка, наделавшая так много шума в Новопетровском укреплении, -та самая, запечатленная, во всей своей противоречивости, в шевченковском дневнике.

"16 июля отправился я на пароходе "Куба" к восточному берегу и на следующий день (действительно 17-го!) прибыл в Тюк-Караганский залив; определив его (с вечера до утра!), я продолжал плавание к югу, вдоль берега, и останавливался у Мелового угла в Александр-бее и Кендерлинском заливе. В каждом из этих пунктов определены широты, время и азимут и везде, кроме Мелового угла, магнитное склонение и наклонение.

22 июля пришел я в Баку и, сделав на следующий день наблюдения, связал таким образом определенные пункты с Баку и Бирючьей косою, 24-го пароход перевез промерное отделение подпоручика Филиппова в Апшеронский пролив... Завтрашнего числа (т.е. 26 июля...) отправляюсь ко входу в Карабугазский залив, откуда пойду вдоль берега до Астрабадского залива и возвращусь в Баку для связи и этой части берега..."

Промеры предстояли по всему морю, до южных его оконечностей, которые контролировала Персия; отсюда исходили и многочисленные выводы новопетровских дам о том, что моряки вовсе не моряки, а "политические шпионы".

Шевченко сразу же выяснил, что были то не более чем слухи...

О дальнейшем в деле нет ничего. Заканчивается оно планами на следующий, 1858 год. Гидрографический департамент задачи усложнял все более.

"...О порядке работ вам известно, что, во-первых, они должны состоять в астрономической связи избранных точек... При этом желательно, однако, чтобы вы обратили внимание ваших помощников и на прочие предметы и обстоятельства полезных сведений для подробного описания края: в отношении гидрографии, военных удобств, геологии, метеорологии, климате, магнетизме, высоте и изменении уровня моря, статистике, этнографии и прочих естественных наук".

Программа, что и говорить, была обширнейшей.

Но ждало Ивашинцева, его товарищей, весь экипаж "Кубы" такое, что предвидеть было невозможно.

То самое, что в моем представлении крепко-накрепко свя-зало Мангышлак и Новопетровское – места признанно-шевченковские – с Шувелянами-Шоуланом, еще одним географическим районом, на этот раз в Азербайджане.

"Загадочное событие" оказалось с трагическим концом.

4.

В том же, 1857-м, но в начале декабря, "Астраханские губернские ведомости" напечатали стихотворение безымянного автора.

Ужасно Каспий бушевал

Приняв характер океана,

В ту ночь, как страшно погибал

"Куба", на камнях Шоулана

...Как палачи его стоят,

Чернея, скалы Шоулана,

И сердцу внятно говорят

О славной смерти капитана

Стихотворение стало песней; матросы пели ее с волнением. Разошлась она по всем

морям, по всей России.

Рапорт царю гласил:

"Состоящий... для гидрографических работ на Каспийском море в 100 сил железный пароход "Куба" 14-го сентября, следуя в Апшеронский пролив, потерпел крушение у мыса Шоулан. Командир, половина офицеров и четвертая часть нижних чинов сделались жертвою этого несчастья..."

Настало время дело "О крушении парохода "Куба" раскрыть. Самые полные и достоверные сведения о случившемся – здесь.

Оказывается, в бурную, ненастную ночь с 14 на 15 сентября пароход напоролся на огромный подводный камень и левым бортом – на утесистый, скалистый берег. Положение было безнадежным. Многие погибли сразу. Судно неумолимо шло ко дну, но лейтенант Поскочин выполняя свой долг до конца – спасал тех, кого можно было спасти. Он погиб "мученической, но геройской смертью".

"Капитан-лейтенант Ивашинцев при донесении об этом несчастном событии свидетельствует об отличных действиях мичмана 46-го флотского экипажа Ясенского, прапорщика корпуса штурманов Зенилова и лекаря 44-го флотского экипажа Зимодро, которые, несмотря на полученные ими ушибы, не переставали в продолжение целой ночи подавать собою нижним чинам пример самоотвержения и энергии при спасении погибающих сослуживцев..."

Горестен список тех, кто погиб в эту страшную ночь. Выписываю всех, поименно:

командир парохода лейтенант

Николай Поскочин, лейтенанты

Николай Симонов,

Василий Кошку ль, корпуса штурманов подпоручик

Василий Иванов, 46-го флотского экипажа – квартирмейстер

Алексей Токарев, писарь

Ион Пудовкин, матросы

Андрей Токарев,

Хрисанф Пономарев,

Федор Толстов,

Ефим Богдановский,

Афанасий Никонов,

Андрей Тулаев,
Григорий Гетманенко, 44-го флотского экипажа -матросы
Сидор Козлов,
Прокофий Юдаев,
Фрол Левин,
Иван Хованов,
Каспийской роты – унтер-офицер
Петр Ирдебенев, 10-го рабочего полуэкипажа -
Василий Степанов,
Андрей Шерстобитов,
Юзеф Бурачек, крепостной человек -
Всеволод Трофимов.

Тела одних нашли и погребли, предав земле тут же, на крутом берегу Шоулана, других унесло в море. Со временем на мысе появился обелиск: "В память бедственного события, постигшего пароход "Куба" в ночь с 14-го на 15-е число сентября 1857 года и героической кончины гг. офицеров и нижних чинов".

Шувеляны – Шоулан...

С первого же часа по прилете, где бы ни оказался и что бы ни делал, устанавливал я, прежде всего, идентичность двух схожих – и все-таки разных – названий: современного и давнего.

Установил эту самую идентичность не сразу, но – основательно. По разного времени картам... по книгам прошлого века и архивным выпискам...

(Встречи со стариками, даже долгожителями, результатами не радовали: "Ни о каком Шоулане не знаем, Шувеляны были всегда". Были и будут, спорить не стану; но в свое время утвердилось за ними вот это: "мыс Шоулан", и придерживались его, особенно в официальных документах, долго).

Доказал. Убедил. Но где сам мыс?

Потерпел крушение у мыса Шоулан... Обелиск на мысе Шоулан... В каком именно месте? Где искать следы трагедии, может даже памятник?

Найти обелиск, честно говоря, не надеялся – столько времени прошло, так много бурь и штормов прошумело. Почти сто тридцать лет – срок огромный. И все-таки допытывался:

"Обелиска не видали?" У кого только ни спрашивал!..

В неведении пожимал плечами Исаак Ибрагимов, уважаемый азербайджанский писатель. "Никогда не слышал, наверное не здесь", – разводил руками Аббас Абдулла, мой коллега по шевченковедческим разысканиям. Не больше того почерпнул и от работников писательского Дома творчества имени Самеда Вургунна. Большинство из них в Шувелянах (или ближайших поселках) родилось-выросло, живет всю жизнь. "Нам ли не знать?" – говорили они, убеждая, что памятник, будь он здесь, без их внимания не остался. Знали бы, видели, показали...

Внимательно слушала меня Белура Алекперова, учительница и директор школы, красивая молодая женщина, интересная собеседница. С ее легкой руки состоялось мое знакомство с районными книголюбями, районной милицией -выступал, рассказывал и, конечно, спрашивал...

Сергей и Валя Арутюняны, механик и Педагог, водили меня по берегу моря, и сколько узнал я от них о жизни этих мест, их прошлом и настоящем! Сережа показал мне даже выброшенное на берег судно. Давно выброшенное, изъеденное ржавчиной, но... не "Кубу". Не тот "калибр", не из тех лет...

День за днем меня знакомили с примечательными местами Шувелян.

Как было не подивиться рукотворному чуду – цветоводческому совхозу? Три миллиона гвоздик в год... Семьсот пятьдесят тысяч роз... Калы, хризантемы, другие цветы – глаза разбегались и никак не верилось, что еще двадцать лет тому назад ничего этого не было в помине, земля пустовала, неся на себе клеймо "бесплодной".

Но... Ходил по гвоздичному царству – думал о суровом мысе. Разговаривал с людьми – прикидывал: "а где мог быть обелиск?"

Задавал свои, традиционные уже, вопросы научному сотруднику удивительного дендропарка Института ботаники Академии наук Азербайджана Кибре Джабаровой – экскурсоводу созданного на его территории Музея Сергея Есенина (здесь в этой комнате, Есенин жил, тут, в чудесном парке, создал полсотни замечательных, знаменитых своих стихов)...

И на Северной ГРЭС задавал, и на алюминиево-прокатном заводе. Всюду!

Больше и чаще других был со мною Азат Закиров. Очень хотел он помочь... Очень! Чувствовал я это на каждом шагу. Ему, понимал, не по себе, что вот гость издалека прошлым района интересуется, в районе же свою историю знают слабо, а многого не знают вовсе. Мои вопросы, как потом понял, он "пропускал" через собственные

источники информации. И в один из дней...

- Я за вами. Время найдется?

- Ну конечно, Азат. Готов всегда!

Ехали мы дорогой знакомой. Цветочный совхоз... ГРЭС... Алюминиевый... Не расспрашивал – смотрел. Строений уже не было – ни промышленных, ни жилых. Только одно здание неподалеку высилось – архитектуры непривычной, с башенкой; его окружала ограда. Похоже на маяк...

- Старый маяк, – сказал Азат. – Но к нему не проехать. перекопали дорогу.

- Так пойдем пешком?

-Хотите-пойдем...

Хотел, конечно. С полкилометра по песку и ракушкам... Вот и ворота... По зеленому фону наложены литеры: "Маяк Шоуланский. 1907".

Шоуланский! Не здесь ли тот мыс?

Ворота оказались закрытыми. В этот утренний час сигналы судам не требовались – никого на месте и не было. Огорчился, но – ненадолго. Повернув голову вправо, я увидел... да, безусловно, памятник! Но в честь какого события? кого из людей?

- Не знаю, – отозвался мой гид. – К стыду своему, никогда к нему не подходил.

Снова песок вперемешку с ракушечником, снова быстрый шаг: торопило нетерпение.

...Аккуратная ограда из камня и цемента. Над нею усеченная каменно-бетонная пирамида, довольно высокая. Три грани ее содержат высеченные в материале слова.

- "Мир праху вашему, незабвенные товарищи!" – читает Азат.

- "Погибли при крушении парохода "Куба" 14 сентября 1857 года" – без особого труда разбираю я, взволнованный увиденным.

Закиров волнуется не меньше: нашли!

И вот лицевая сторона обелиска, обращенная к морю. Надпись тут такая:

Упокой, господа, души рабов твоих Возобновлен добровольным пожертвованием каспийских моряков в 1888 году.

А чуть ниже имени:

Командир лейтенант Поскочин лейтенант Кошкуль лейтенант
Симонов подпоручик Иванов и 18 человек нижних чинов

Ограда и памятник недавно побелены. Мемориал на берегу Каспия человеческим

вниманием не обойден. Ушла в прошлое случившаяся здесь трагедия, о ней ничего толком не знают, но погибших русских моряков чтут.

...Кладу на постамент гвоздики, этой же землей возвращенные, и иду к роковым скалам. Море штормит, меня окатывают фонтаны брызг.

5.

Азат родился и живет на острове Артема. Когда-то меж островом – тогда его называли Святым – и материковой частью нынешнего Азербайджана был пролив, именованный Апшеронским. Сейчас пролива нет, есть высокая рукотворная дамба. Дамба – длиною в десять километров.

"...Следуя в Апшеронский пролив, потерпел крушение..."

До пролива пароход не дошел. Совсем немного, но не дошел.

Остров виден даже сейчас, когда волны вздымаются на метры. Святым его величали от времен паломничества туда огнепоклонников; естественные выходы нефти и газа горели феерически.

Нефть на Святом извлекали давным-давно: рыли колодцы и ямы, разумеется вручную. Иностранные компании правдами-неправдами добивались привилегий и получали их. Первый нефтеперерабатывающий завод тут построил Витте. Пускали его в 1861-м, а начинали лет на пять раньше. Но жизнь завода оказалась недолгой – владелец терпел убытки.

На Мангышлаке об острове и его богатствах не знать не могли. Одни и те же исследователи разведывали весь Каспий, а Шевченко интересовало все. С описанием этого моря, этих мест была связана и экспедиция на пароходе "Куба". Неподалеку от Святого настиг ее горестный конец.

Нынешний остров Артема – один из крупных центров нефтедобычи. Он, собственно, уже не остров: с Апшероном его связывают и автомобильная трасса, и быстроходная электричка. Это целый рабочий город. А вышки уходят в море – дальше, дальше...

Упомянул "огнепоклонников". С ними, скорее всего, и связано определение Баку в шевченковской записи 18 июля, сделанной после разговора о "таинственных путешественниках", их планах. Имею в виду слова об одном из тех, кто "сделал честь огороду и его милым обитательницам своим посещением". Слова такие:

"...отправляющийся на службу в гебрийский город Баку..."

Гебрийский? Вполне возможно, что тут описка – невольная или вольная, но описка. Вот если бы "гвебрийский"... Гвебры, или "парси", жившие в Баку и его окрестностях, обожествляли так называемый священный огонь – тот самый горящий нефтяной газ.

Шевченко, выходит, знал и об этом.

"Потерпел крушение у мыса Шоулан..."

Место крушения – здесь.

Стою над бушующим Каспием. Мне его волны не угрожают ничем, а рассыпающиеся брызги даже приятны. Расхрабренный внук, восьмилетний Денис, приглашает перебраться на прибрежные валуны – там, дескать, еще интереснее. Никакого страха перед каменными громадами и расшумевшимся морем. Может, оттого это "бесстрашие", что ярко светит солнце, позади вполне устойчивая почва, а совсем недалеко наш "Москвич". Не угрожает, мол, никакая беда – посмотрим и уедем, вернемся туда, откуда приехали.

Тогда шторм был много сильнее, и стояла ненастная ночь, и первый же удар о подводный камень лишил пароход способности плыть, а тяжелый утесистый берег довершил коварство протаранившего днище многотонного островерхого валуна.

Возможно этого... Или того... Береговые скалы какими были, такими и остались. Попробуй-ка их сдвинуть – никакой машине не под силу. Сколько штормов с тех пор прокатилось, а они недвижно-вечны – прямые, непосредственные виновники гибели "Кубы".

Пароход строили из железа, "сто сил" было мощностью чуть не богатырской. Но... развоевавшийся Каспий, его волны и камни оказались много сильнее.

Тут судно разбилось, погибло.

Тут похоронены жертвы шоуланской трагедии.

Тут соорудили надмогильный обелиск.

Обелиск не этот – проще, примитивнее. С годами тот, первоначальный, стал ветшать, крениться, разваливаться, и тридцать лет спустя, снова собрав меж собою деньги, каспийские моряки заменили его другим, новым.

Высится он на берегу уже сто пять лет.

"Командир лейтенант Поскочин". Стоит это имя на обелиске первым, как положено героически погибшему капитану.

...Было ему тогда немногим больше тридцати. Сын морского офицера (а в это время – напомним – уже генерал-майора), он, по существовавшей традиции, оказался приписанным к флоту в неполные девять лет ("1835 – поступил в морскую роту Александровского корпуса кадетом"), уже в шестнадцать плавал гардемарин по Финскому заливу, в восемнадцать – мичманом на Балтике, в двадцать – лейтенантом на пароходе в Кронштадте. 1850: на фрегате "Смелый" ходил из Кронштадта в прусские и датские порты. 1852: на фрегате "Диана" перешел из Архангельска в Кронштадт. 1853: плавал по портам Финского залива. 1854; был на Кронштадтском рейде при защите крепости от нападения англо-французского флота. 1855: курсировал между Петербургом и Кронштадтом. 1856-1857: командовал пароходом "Куба" на Каспийском море. Это из послужных списков Николая Петровича Поскочина, 1826 года рождения, дворянина Новгородской губернии, лейтенанта 46-го флотского экипажа. До последнего мгновения жизни, когда парохода по существу уже не было, он неумолимо разваливался, Поскочин не оставлял своего мостика, не пытался спастись – спасал матросов...

"Лейтенант Кошкуль". На обелиске это имя выбито вторым.

...Кошкуль Василий Карлович, двадцати восьми лет, из дворян Курляндской губернии, как и Поскочин – холостой, в морской кадетский корпус был определен в тринадцать, походил и в унтер-офицерах, и в гардемаринах, и в фельдфебелях, в восемнадцать стал мичманом, на двадцать вторым – лейтенантом. В 1854-1855 годах участвовал в Финском заливе в операциях против англо-французского флота, в 1856-м получил перевод в 8-й флотский экипаж и стал работать в составе экспедиции по описи Каспийского моря. В том же 1857-м, когда оборвалась его жизнь, в "Морском сборнике" появилась статья Кошуля "Воспоминания о Пулкове", свидетельствующая не только о морской компетентности, а и о литературной одаренности молодого офицера...

"Лейтенант Симонов". Еще одно – третье на обелиске – имя.

...Ему шел двадцать шестой – не успел ни развернуться, ни жениться. В семнадцать, произведенный в мичманы, Николай Иванович получил назначение в флотский экипаж, за два года до гибели стал лейтенантом. Бронзовая медаль на Андреевской ленте свидетельствовала о его храбрости в 1853-1856 годах, когда шла Крымская война. На Симонова, отменно владевшего французским и английским языками,

не без оснований рассчитывали в гидрографическом департаменте. Пока же его, как и Кошкуля, прикомандировали к экспедиции по промеру и описи Каспийского моря в качестве официального помощника Ивашинцева по астрономической части.

"Подпоручик КФШ (Корпуса флотских штурманов) Иванов..." Имя в скорбном столбце четвертое и ... самое простое, самое распространенное.

...Среди погибших офицеров был он по годам старшим -разменял пятый десяток. На Балтике Василий Степанович дослужился до прапорщика (для двадцативосьмилетнего человека звание небольшое); лишь десять лет спустя, уже на Каспийском море, его произвели в подпоручики. На продвижении по службе явно сказывалось не дворянское происхождение и отсутствие всякой "поддержки". С 1853-го ходил он по портам Каспия то на шхуне "Змея", то на пароходе "Волга", а с пятьдесят пятого – на "Кубе". Женился поздно. Сыну Володе не исполнилось еще двух лет...

"... и 18 человек низших чинов".

"Нижние чины" на обелиске не поименованы. Меж тем это они приняли на себя главную тяжесть удара, они вели упорнейший бой, не сдаваясь до последнего, погибая верными долгу и присяге.

Мертвые и живые...

Мертвые перечислены. Но помнить надо и тех, кто остался после этого сражения в живых. Не струсил, не смалодушничал – боролся до конца и, к счастью, не погиб.

Начальник экспедиции капитан-лейтенант Ивашинцев... Мичман Ясенский... Корпуса штурманов прапорщик Зени-лов... Лекарь Зимодро и лекарский помощник Бердников... Квартирмейстеры Недогрей и Малько... Матросы, мастеровые, канониры – Малышкин, Хлестун, Скоробогатов, Аксенов, Безызвестный... "Нижних чинов" пятьдесят пять, всех не перечесть, да и незачем. Факт остается фактом: погибшие дрались со стихией за то, чтобы осталось побольше живых. Не о себе, а о товарищах думали они в свой смертный час. И о деле, которое надо было непременно продолжать для блага и славы России.

Промер и опись Каспия действительно продолжались. Велись они не один год; участвовали в них и Ивашинцев, и иные члены экипажа "Кубы". На других пароходах работали, но – столь же самоотверженно.

Заходили те пароходы и в Новопетровское.

Шевченко там уже не было.

7.

Что он делал в часы, когда на камнях Шоулана погибал пароход "Куба"?

На пароходе плыл и Шевченко. Только по Волге, на "Князе Пожарском".

Освобожденный, наконец, от солдатчины, Тарас Григорьевич мечтал о том, как, добравшись до Нижнего Новгорода, тотчас продолжит свой путь – в Москву... в Петербург... Не знал он, не мог и предположить, что его уже обогнало предписание начальства: задержать, в столицы не пускать, отправить до особого распоряжения снова в Оренбург. Не знал, а душе было тревожно.

Под вечер, благополучно миновав Васильевский перекаат, "Князь Пожарский" пытался стащить с мели застрявшую там баржу с дровами. Стащить не удалось. Пройдя еще несколько верст, пароход положил якорь на ночь – "из опасения сесть на Вязовском перекаате".

Так в записи дневника за 14 сентября.

А вот что за пятнадцатое.

Ночью шли ему в голову всякие кошмары. Одно из "отвратительных сновидений" было таким: "Будто бы Дубельт... в своем уютном кабинете перед пылающим камином меня тщетно навращал на путь истинный, грозил пыткой и в заключение плюнул и назвал меня извергом рода человеческого". Не лучше было и дальше. "Едва успел он произнести этот милый эпитет, как явился в полном Мундире капитан Косарев и сделал мне палочный выговор за то, что я опоздал на учење. Тем и кончилось это позорное сновидение..."

Шевченко снились угрозы начальника пресловутого III отделения и палка в руке солдафона-ротного – то, с чем, казалось, расстался навсегда.

Ан нет, не расстался – продолжало оно его преследовать. На "Князе Пожарском" во сне, в Нижнем Новгороде... Но об этом я написал целую книгу.

О гибели "Кубы" поэт узнал, наверное, уже в Нижнем. Среди его приятелей в этом волжском городе было много моряков, в том числе военных.

Но вернемся в июльский вечер Новопетровского укрепления, когда всполошился капитан Косарев: "кого несет пароход? выставлять ли почетный караул?", а посланный комендантом Усковым тарантас вернулся с пятью гостями:

командиром парохода, штурманом и тремя штатскими.

Кто же был тогда на комендантском "огороде", кто любезничал со здешними

дамами?

Поскочин Николай Петрович – командир парохода это он.

Штурман? Штурманская работа в экспедиции лежала на подпоручике Иванове и прапорщике Зенилове. Но сорокатрехлетнего Иванова к молодым людям не причислишь (а рассказчицы характеризовали его "как весьма образованного... молодого человека"). Выходит, с Поскочиным был Исхак Юсупович Зенилов, двадцатитрехлетний моряк, родом из обер-офицерских детей Астраханской губернии, "магометанского закона", успевший недолго походить на судах Балтики и Каспия. В ту сентябрьскую ночь он остался жив. Получив ушибы, Зенилов бесстрашно спасал других, показывая пример самоотвержения и энергии,

Еще трое? Те, что в штатском?

"Два ученые, а третий доктор..."

Доктор в экспедиции был один – Адам Николаевич Зимодро, младший врач 44-го флотского экипажа, римско-католического вероисповедания, из дворян, двадцати восьми лет от рождения. Лекарский диплом он получил в Университете св. Владимира в Киеве, тогда же, в 1854-м, отправился на театр военных действий Крымской войны, отличился при защите Севастополя и... в спасении людей при крушении "Кубы". (Экспедиции Зимодро остался верен несмотря ни на что; в 1859-м он служил в ней старшим врачом, тогда же его утвердили и в чине титулярного советника).

Что касается ученых, то, кроме Ивашинцева, научную работу на пароходе вели лейтенант Кошкуль и Симонов. Оба они к тому времени прошли курс подготовки в Главной Николаевской обсерватории и под руководством крупных специалистов России и Европы приобрели весьма основательные знания по части наблюдений и вычислений. Неофициальный визит к ношению формы не обязывал, вот и произвели их дамы Новопетровского в "штатские".

От Усковой, Бажановой и других получил Шевченко по поводу гостей "ответ довольно косвенный и перепутанный";

он "выслушал из милых уст такую чепуху, какой иному не удастся выслушать и в модном салоне". Прямое отражение этой путаницы – в записях тех дней. Так и чувствуешь: информация для него важна, но не менее интересен дух, характер самого рассказа, мельчайший его штрих. Сколько их на читаемых сейчас страницах!

Но нет там продолжения – того, что произошло в ночь с 14 на 15 сентября, меньше чем через два месяца после визита моряков в форт на Мангышлаке.

...В городе Форт Шевченко, выросшем на месте Новопетровского укрепления, ему, бывшему солдату-невольнику, ему, гению поэзии, установлен памятник. Не по велению свыше – самим народом установлен, и всегда он в цветах.

...На противоположном берегу Каспийского моря, на мысе Шувелян, в прошлом Шоулан, с давних времен стоит памятник морякам "Кубы". Его воздвигли из рубли и копейки, собранные морскими офицерами и матросами здешней флотилии. Никто на сей счет не отдавал распоряжений, просто пустили по рукам подписные листы.

Между Мангышлаком и Апшероном курсируют быстроходные, невероятной вместимости, паромы, современные суда – пассажирские и грузовые, самолеты разных марок (43 минуты и ты за Каспием!).

Еще надежнее – связь людских сердец, бьющихся в унисон.

На старый Шоуланский маяк я все-таки попал. И по-новому открылся моим глазам Каспий. А в какое-то мгновение мне даже показалось: вижу Мангышлак... вижу живого Кобзаря Тараса...

